

ребёнка, как символическое выражение его отношения к миру (О. А. Карабанова). Изобразительно – игровое пространство, материал, образ в рисунке является для детей средством психологической защиты, которое помогает в трудных обстоятельствах [5, 19].

Метод рисуночной терапии может поддержать ребёнка в трудной ситуации, снять психическое напряжение, помочь ему увидеть новые для себя решения в разных ситуациях. Но в случае сложных семейных отношений работа только с одним ребёнком, тем более в возрасте 5-7 лет, мало влияет на всю систему взаимоотношений между членами семьи. Более продуктивным есть включение в работу родителей. Те же приёмы рисуночной терапии можно применять и со взрослыми членами семьи, если получится привлечь их к совместной работе на коррекционных занятиях с детьми или самостоятельно, без детей. В работе с родителями тех детей, которых мы выделили в результате проведения проективных рисуночных методик, нужно применять все доступные способы (система бесед, анкет, опросников, собраний и семинаров), чтобы попытаться изменить напряжённую семейную ситуацию и сделать её оптимальной для развития ребёнка.

Литература:

1. Беляускайте Р. Рисуночные пробы как средство диагностики развития личности ребёнка / Р. Беляускайте // Детский практический психолог. Январь. 1994. С. 30 – 34.
2. Венгер А. Л. Психологические рисуночные тесты / А. Л. Венгер. – М.: Владос, 2005. – 159 с.
3. Захаров А. И. Предупреждение отклонений в поведении ребёнка. Лениздат. / А. И. Захаров. – С.- П.: Союз, 2000. – 224 с.
4. Кляйн М. История детского анализа / М. Кляйн. – М.: 1961. – 231 с.
5. Карабанова О. А. Развитие игровой деятельности детей 5 – 7 лет. / О. А. Карабанова, А. Н. Доронова, Е. В. Соловьёва. – ОАО Изд. Просвещение 2010.
6. Карабанова О. А. Игра в Коррекции психического развития ребёнка / О. А. Карабанова. – М.: 1977. – 180 с.
7. Медведева Е. А. Артпедагогика и арттерапия в специальном образовании / Е. А. Медведева. – М.: 2001. – 192 с.
8. Романова Е. С. Графические методы в психологической диагностике / Е. С. Романова, О. Ф. Потёмкина. – М.: Дидакт, 1991. – 164 с.
9. Семаго М. М. Психолого–медико–педагогическое обследование ребёнка / М. М. Семаго. М.: АРКТИ.1999. – 136 с.
10. Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов / Д. Фоли. – М.: Вече, 1997. – 512 с.
11. Фордхам М. Ребёнок как индивидуальность / М. Фордхам. – М.: 1969. – 367 с.
12. Фрейд З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М.: АСТ, 2011. – 251 с.
13. Хиллман Д. Архетипическая психология / Д. Хиллман. – СПб.: Б.С.К., 1996. – 157 с.
14. Эриксон Э. Детство и общество / Э. Эриксон. – СПб.: ЗАО ИТД Летний сад, 2000. – 416 с.
15. Юнг К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М.: Реннесанс, 1991. – 304 с.
16. Юнг К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг. – М.: Канон, 1995. – 320 с.
17. Юнг К. Г. Структура психики и процесс индивидуализации / К. Г. Юнг. – М.: Наука, 1996 – 269 с.
18. Юнг К.Г. Человек и его символы / К. Г. Юнг. – СПб.: Б.С.К, 1996 – 216 с.
19. Fordham, M. Freud, Jung, Klein the fenceless field, London: Routledge, 1995

Резюме: У статті розглядаються особливості можливих варіантів візуалізації інтегративно – інстинктивних функцій у дітей у віці 5-7 років через проективні методики, застосовувані для виявлення глибинних проблем, пов'язаних із взаємовідносинами в сім'ї. Наводяться практичні дані дослідження дітей – дошкільнят ГБОУ ЦРР ДС № 1654 р. Москви. Розглянуто можливості корекції психічних станів дітей-дошкільнят.

Ключові слова: архетип, арт-терапія, проективні методики, психокорекція, дошкільнята.

Резюме: В статье рассматриваются особенности возможных вариантов визуализации интегративно – инстинктивных функций у детей в возрасте 5-7 лет через проективные методики, применяемые для выявления глубинных проблем, связанных с взаимоотношениями в семье. Приводятся практические данные исследования детей – дошкольников ГБОУ ЦРР ДС №1654 г. Москвы. Рассмотрены возможности коррекции психических состояний детей-дошкольников.

Ключевые слова: архетип, арт–терапия, проективные методики, психокоррекция, дошкольники.

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗА «БАБУШКИ»

Актуальность исследования. Современный этап развития практической психологии и состояния общества требует высокого профессионализма от психолога-практика. Понимание и коррекция психологом-

практиком своих личностных проблем способствует различению эмоциональных реакций, связанных с контрпереносом, лучшему пониманию и проработке проблем клиентов за счет универсальности структуры психики и психических процессов.

Глубинная коррекция связана с выявлением содержания неосознаваемых компонентов психики, что обеспечивает в условиях спонтанности и произвольности поведения и эмоций метод АСПП (активного социально-психологического познания), разработанный украинской исследовательницей Т.С. Яценко [12].

Ключевую роль в объективировании неосознаваемых детерминант психических процессов играют архетипы в их связи с содержанием индивидуального опыта субъекта.

Конкретика индивидуального содержания психического всегда является относительной благодаря его обобщенности, общности его механизмов [10]. Путем анализа можно приблизиться к пониманию его индивидуальной неповторимости, опираясь на обобщенные механизмы функционирования психики [12]. Проекция психического на символический материал объединяет обобщенные характеристики и индивидуальное наполнение, сознательные и бессознательные компоненты. Например, камень, игрушка являются реальными (натуральными) предметами и, одновременно, в процессе психокоррекционной работы несут метафорическую архетипную нагрузку. Объективная реальность, в частности качество, форма, цвет предмета (камня, игрушки) способствует определению спектра проекций на него внутреннего содержания психики субъекта [10]. Таким образом, в объективировании бессознательного участвуют архетипы.

Цель исследования: рассмотреть функциональные особенности архетипа бабушки, его влияние на формирование психики, символическое проявление в психокоррекционной работе, позволяющее выявить личностную проблематику клиента.

Изложение основного материала. Понятие «архетип» ввел в психологию К.Г. Юнг. "Архетип <...> есть некий непредставимый наглядно фактор, некая диспозиция, которая в какой-то момент развития человеческого духа приходит в действие, начиная выстраивать материал сознания в определенные фигуры. <...> По определению, архетипы суть некие факторы и мотивы, упорядочивающие и выстраивающие психические элементы в известные образы (звучащие архетипическими), но делается это так, что распознать их можно лишь по производимому ими эффекту. Они наличествуют предсознательно и предположительно образуют структурные доминанты психического вообще» [6, с.47].

Архетипы составляют основу коллективного бессознательного. Это функциональные формы, которые выражают не только образ деятельности, подлежащей выполнению, но одновременно типичную ситуацию, которая инициирует эту деятельность.

Отщепленность или степень интегрированности того, или иного архетипического образа обусловлена личной историей индивида. Наполнение архетипического образа конкретным жизненным материалом определяет задействованность (проработанность) в психике тех или иных функций конкретного архетипа. Полярность архетипических значений определяет расщепленность архетипического образа и присутствие в психике того или иного полюса, причем другой полюс может оказаться вытесненным, формируя внутреннее противоречие и проявляясь бессознательно (смысл вытесненной ситуации символически проявляется в другой ситуации). В бессознательном оба полюса сосуществуют одновременно, в сознании же это противоречие снимается за счет психологических защит, обеспечивающих отступление от реальности [11].

К.Г. Юнг утверждал, что «если внутренняя ситуация не осознается, она превращается во внешние события, подобные судьбе. То есть, если индивид остается неделимым, но не осознает свою собственную противоположность, таящуюся внутри него, мир неизбежно должен будет разыграть этот конфликт и расколоться на две половины, противоположные друг другу» [8, с.1].

Архетипические формы отнюдь не являются статическими паттернами, застывшими структурами. Они есть динамические факторы, проявляющиеся в импульсах так же спонтанно, как и инстинкты. Это не значит, что они беспричинны, причина определена есть, но она столь отдалена или завуалирована, что ее трудно увидеть [7].

К.Г. Юнг, по аналогии с процессом мышления, которым пользуется сознание, определяет архетипическую обработку процессом «мышления» бессознательного. Если мышление оперирует логикой и ранее усвоенными понятиями, то бессознательное оперирует архетипическими идеями и личным опытом человека, включающим не только то, что когда-либо попадало в фокус сознания, но и вытесненные компоненты, и досознательный опыт [7]. «Мыслительные» образования бессознательного структурированы и подчинены «иной» логике, логике бессознательного [11].

Анализируя природу архетипа, через мифы и символы, К.Г. Юнг [8] выделил в ряду множества архетипов основные: Великая мать, Божественный ребенок, Мудрый старец (Мудрая старуха), Тень, Трикстер, Герой, Анимус (Анима). В.А. Зеленский [1] считает, что «теоретически возможно любое число архетипов».

В работах К.Г. Юнга нет архетипа бабушки. Он сложился под влиянием традиций и экономических условий, прежде всего на территории постсоветского пространства. В нашей стране семья все еще состоит из

трех поколений, которые тесно связаны между собой даже в тех случаях, когда дедушка и бабушка живут далеко от внуков.

Архетип бабушки обладает определенными признаками, связанными с бытовыми, житейскими и культурными ассоциациями. Бабушка неотделима от внуков, для которых она олицетворяет что-то функциональное (светлое, полезное) и одновременно что-то мистическое и иррациональное, обладающее особой мудростью и силой (няня А.С. Пушкина Арина Родионовна). Важным аспектом архетипа бабушки является удаленность. Она может трактоваться как непосредственно, так и символически. Для внуков бабушка дальше, чем мать и отец, и в какой-то мере безопаснее (ей можно доверить секреты, она обладает властью над родителями). Но, с другой стороны, бабушка менее понятна, может пугать. Она волшебница, дарит подарки, но она и ведьма, имеет отношение к болезням и смерти.

Позитивный полюс архетипа выражает идею тепла, любви, привязанности, мудрости, силы. Негативный связан с понятиями власти, наказания, ревности, конкуренции за любовь, смерти.

Один из самых ярких сказочных образов бабушки – бабушка из сказки Ш. Перро «Красная Шапочка». Этот образ тесно связан с образом волка, который поглощает бабушку, забирает у внучки, и нужны смелые охотники, чтобы спасти бабушку и внучку. В романе К.П. Эстес «Бегущая с волками» старуха-волчица (La loba), собирающая кости, олицетворяет первозданную силу и мудрость, являясь важной частью процесса инициации женщины [5].

«Можно считать работу La Loba демонстрацией *uncuento milagro*, волшебной сказки: она показывает, что будет благом для души. Это сказка о воскресении, о потусторонней связи с Дикой Женщиной. Она обещает: если мы споем песню, то сможем вызвать то, что осталось в психике от первозданной души и помочь ей снова обрести живой облик» [5, с.68].

Образ бабушки может смещаться на архетипы Великой матери и Мудрой старухи. По К.Г. Юнгу [9], оба эти архетипа являются наиболее древними, и воплощают собственно коллективное бессознательное. Они являются проявлением архетипа Духа. Образ бабушки, таким образом, обладает свойствами и архетипа матери, и архетипа мудреца.

Архетип Мудреца (Мудрой старухи) является, по определению К.Г. Юнга [9], личностью, представляющей собой изначальную энергию, которая может способствовать личностному росту и преобразованию или, напротив, разрушению и дезинтеграции личности.

Для архетипа матери К.Г. Юнг дает следующее обобщенное описание: «с ним связаны материнские черты: проявление внимания и сочувствия; магический авторитет феминности; мудрость и душевный подъем, распространяющийся за рамки формальной логики; любой полезный инстинкт или импульс; все, что называется добротой; все, что дает заботу и поддержку, способствует развитию и плодородию. Это место магической трансформации и возрождения вместе с потусторонним миром и его обитателями находится под покровительством Матери. Из негативных аспектов материнского архетипа можно отметить все тайное, скрытое, темное; пропасть; мир мертвых; все, что пожирает, соблазняет и отравляет; все, что вызывает ужас и является неизбежным, как сама судьба» [9, с.218].

Основную противоречивость свойств архетипа матери К.Г. Юнг сформулировал в виде оппозиции любящей и устрашающей матери, что отражает общее свойство амбивалентности архетипов [9].

Влияние на детскую психику оказывает как раз архетип (грандиозный архаичный объект родительского имаго, как определил его Х. Кохут [2]), который, проецируясь на мать, придает ей некий мифологический тон и вместе с тем наделяет ее авторитетом, даже «нуминозностью» [9]. Влияние архетипа сохраняется тем дольше и больше, чем менее реальная мать эмпатийна. То, чего не хватает у реальной матери согласно архетипу, ребенок добавляет архетипическими фантазиями, которые могут быть вытеснены [2].

Когда под влиянием матери инстинктивная сфера ребенка нарушается, констелляция архетипов оказывается таковой, что они выступают в качестве чуждого, а зачастую и устрашающего элемента между матерью и ребенком, что препятствует интеграции архетипа, порождает диссоциацию и возможность невроза. В результате может возникнуть комплекс матери как психопатологическое нарушение [9].

Но, как писал К.Г. Юнг: «По сути своей архетип ни в коем случае не есть только лишь устрашающая преюденция. Таковым он становится только если он не на своем месте. Сам по себе он принадлежит к величайшим ценностям человеческой души и потому заселил все олимпы всех религий. Упразднение его как чего-то нестоящего означает потенциальный урон. Речь идет как раз о том, чтобы развязать эти проекции, чтобы их содержания опять вернуть архетипу (т.к. он их потерял из-за спонтанного отчуждения)» [9, с.221].

Мать (как и отец) – это объект, которым на определенном жизненном этапе должен воспользоваться ребенок, чтобы сформировать необходимые психические функции. Если этого не происходит, взрослый человек ищет такие объекты, чтобы восстановить эти функции (вынуждение повторения). Но он не знает другого опыта, поэтому при неизбежных признаках разочарования в объекте или собственной объектной амбивалентной или диссоциативной реакции на объект, он сам способствует разрыву связи с объектом, что погружает его в

испытанное когда-то состояние единения с первичным либидным объектом в деструктивной форме. Целью является не сам объект, а те функции, которые должны сформироваться, интеграция отщепленных в первичном конфликте (травме) частей личности для динамического перераспределения энергии либидо и ее более сознательного использования (личностный рост) [2, 10].

Этот процесс может напоминать «жертвоприношение идолу», когда какой-либо субъект как объект попадает под идеализированный перенос и потом обесценивается, а архаичный объект остается в неприкосновенности в отщепленном виде. Для сохранения архаичного объекта обесценивание реального объекта неизбежно, что вызывает депрессивный уход в себя или нарциссический гнев и ярость [2]. Объективировать и перевести в сознание архаичный объект самости сложно. Это может произойти в терапевтической ситуации или в реальной жизни при объектном гиперкатексисе (например, при состоянии влюбленности).

Когда происходит отделение Я от матери, ее личное своеобразие становится более отчетливым, архетипические свойства ее образа могут смещаться на бабушку. К.Г. Юнг считал, что «она, собственно, и есть «великая мать». Нередко она перенимает черты мудрости, так же как и черты колдовской ворожбы» [9].

Примеры психокоррекционной работы иллюстрируют, какое большое значение имеет образ бабушки для формирования психики ребенка, и какое влияние оказывает на всю его последующую жизнь.

У анализанда Л. образ бабушки участвовал в расщеплении образа матери и, в конечном итоге, диссоциации психики самой Л. Амбивалентные тенденции отношения к матери, задаваемые эдиповыми детерминантами, обусловили разделение этого образа на отвергающий, непринимаящий и слабый, требующий защиты. Любовь проявляется к слабой, беззащитной матери, а неосознаваемые негативные чувства к матери спроецированы на бабушку. Л. описывает бабушку как отвергающую, непризнающую, преследующую ее и мать. В бессознательное вытесняются нереализованное чувство любви к бабушке, чувство вины, чувство неполноценности, связанное с отвержением.

Объектный перенос на аналитика также проявляется в расщепленном виде. Л. говорит, что она разделяет человека и аналитика. Человека она любит, хочет ему нравиться, а с аналитиком, по ее словам, она борется, хочет его дискредитировать и обесценить, что характерно для нарциссического нарушения.

Тенденция «к силе» [12] заставляет неосознанно делать людей слабыми, «низшими», беззащитными. Осуществление их защиты проявляется в авторитарной форме, как указание на недостатки, где Л. подсознательно повторяет паттерны бабушки.

Та же тенденция «к силе» с другой стороны расщепленного образа заставляет болезненно воспринимать любую критику, порождает негативное, и, в то же время, зависимое отношение к людям, имеющим более значимое положение или обладающим какими-либо явными достоинствами. Прослеживается неосознаваемая тенденция «занять их место», «сделать лучше их», что в итоге означает стремление к освобождению от внутренней инфантильной зависимости, чтобы «делать, как хочю».

В процессе работы с символьным материалом (рисунками, камнями) Л. все, связанное с матерью и бабушкой, изображала некрасивым, колючим, неприятным, и говорила, что ей бы хотелось это от себя отбросить. И в то же время фигура матери была самой большой и значимой.

Эти подсознательные конструкты проявляются в литературном творчестве Л., что является самопсихотерапевтической попыткой объединить существующие противоречия: «И я поняла, что меня сподвигло к их (картин) созданию не желание утолить писательские амбиции, а жгучая необходимость освободиться от ненужного балласта, тянущего на дно». Л. ощущает внутреннюю пропасть, отделяющую ее от других людей, детерминированную детскими травмами и чувством отвержения: «В кресле старого режиссера я увидела безграничную любовь матери к моему отцу, в которой она «не желала принимать в свои объятия никого, даже хозяйских детей». И которую я автоматически переняла в отношениях со своими детьми».

И в то же время нарциссические тенденции, «одержимость собой» по выражению К. Хорни [4], препятствуют чувству единства с другими людьми.

Нарциссические элементы грандиозного родительского имаго и грандиозной самости [2], ощущаемые как тенденция «к силе» [12], в образе бабушки смыкаются с архетипическими проявлениями Великой Матери и Мудрой Старухи в их отрицательном аспекте. Деструктивность и императивность влияния архетипа определяется его неинтегрированностью в психику, обусловленной реальным жизненным содержанием.

Осознание и проработка Л. своих деструктивных чувств к бабушке, возможность увидеть в процессе анализа «другой полюс архетипа» – мудрость бабушки, ее заботу, ее силу – экстраполируются на амбивалентность чувств к матери и собственную расщепленность, что ослабляет внутреннее напряжение.

По результатам проиллюстрированных материалов можно утверждать, что архетип бабушки оказывает большое влияние на формирование психики. Проработка его аспектов в психокоррекционной работе позволяет использовать его как ресурс за счет снятия мистичности его переживания и снижения влияния его негативного полюса.

Таким образом, в методе АСПП архетип рассматривается не как абстракция коллективного бессознательного, а как латентно адаптированный к психике индивида образ, который презентует содержание психического в его целостности и актуальности [10]. Метод АСПП и используемые в нем методики позволяют на символическом материале (камень, игрушка, предметные модели, авторский и неавторский рисунок) выявить в архетипной символике в процессе диалога с клиентом индивидуальную неповторимость психики конкретного человека, специфику интеграции сознательного с бессознательным в их единстве и автономии одновременно.

Литература:

1. *Зеленский В.В.* Толковый словарь аналитической психологии. – М.: Когито-центр, 2008. – 336 с.
2. *Хайнц К.* Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности / Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2003. – 368 с.
3. *Тройский А.В., Пушкина Т.П.* Гештальт-терапия от А до Я: Краткий словарь терминов по гештальт-терапии, 2002 г.
4. *Хорни К.* Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление. – К.: PSYLIB, 2006. – 239 с.
5. *Эстес К.П.* Бегущая с волками / Пер. Т. Науменко. – М.: София, 2008. – 320 с.
6. *Юнг К.Г.* О психологии бессознательного. Собрание сочинений. Психология бессознательного / Пер. с нем. – М.: Канон, 1994. – 320 с.
7. *Юнг К.Г.* Подход к бессознательному // Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 137 с.
8. *Юнг К.Г.* Сознательный разум. <http://jungland.ru/node/696>
9. *Юнг К.Г.* Душа и миф. Шесть архетипов / Пер. А.А. Спектор. – Мн.: Харвест, 2004. – 400 с.
10. *Яценко Т.С.* До проблеми пізнання індивідуальної неповторності архетипної символіки / Науковий часопис НПУ імені М.П.Драгоманова, Серія 12. Психологічні науки : Зб. Наукових праць. – К.:НПУ імені М.П.Драгоманова, 2011. – № 33 (57). – С. 15 – 27
11. *Яценко Т.С.* Психологічні основи групової психокорекції: Навч. посібник. – К.: Либідь, 1996. – 264 с.
12. *Яценко Т.С.* Теорія і практика групової психокорекції: Активне соціально-психологічне навчання: Навч.посіб. – К.: Вища шк., 2004. – 679 с.

Резюме. В данной статье рассматриваются архетипические аспекты образа бабушки, связанные с архетипами Великой матери и Мудрой старухи. Представлены практические иллюстрации амбивалентного влияния образа бабушки на формирование психики ребенка, выявленные в ходе психокоррекционной работы.

Ключевые слова: архетип, психика, глубинная психология, амбивалентность.

Резюме. У цій статті розглядаються архетипові аспекти образу бабусі, пов'язані з архетипами Великої матері і Мудрої Старої. Стаття містить практичні ілюстрації амбивалентного впливу образу бабусі на формування психіки дитини, виявлені під час психокорекційної роботи.

Ключові слова: архетип, психіка, глибинна психологія, амбивалентність.

© 2013

Л. М. Магур (м. Черкаси)

АРХЕТИП МАТЕРІ В КАЗКАХ ТА ПСИХОМАЛЮНКАХ

Постановка проблеми. В останні роки одним із пріоритетних напрямків дослідження в психології стало вивчення генетичної пам'яті людства, колективного несвідомого, здатного відроджуватися у ході історії, виникаючи там, де вільно виявляє себе творча фантазія. У вивченні цього явища нам допомагають казки та психомалюнок.

Мета дослідження полягає в розкритті природи та специфічних способів репрезентації архетипу Матері в казках та малюнковій продукції.

Колективне несвідоме – це спадщина еволюційного розвитку людини, спадщина переживань, що повторюються у багатьох поколіннях. Воно універсальне. К. Г. Юнг пояснював таку універсальність колективного несвідомого схожістю структури мозку у всіх рас, що пов'язано зі спільною еволюцією. Колективне несвідоме – вроджена, расова основа всієї структури особистості. На ньому ростуть Его, особистісне несвідоме та інші індивідуальні придбання. Саме колективне несвідоме з самого початку життя впливає на поведінку. Переживання світу теж формується колективним несвідомим, але не повністю, бо були би неможливі ні варіації, ні розвиток. Колективне несвідоме несе в собі «мудрість та досвід століть, що осіли в його архетипах» [3].

Структурні компоненти колективного несвідомого називають по-різному: архетипи, доміанти, імаго, міфологічні образи, поведінкові паттерни. Це форми без власного змісту, які організують і каналізують психологічний матеріал. К. Г. Юнг називав архетипи "первинними образами", тому, що вони часто відповідають